

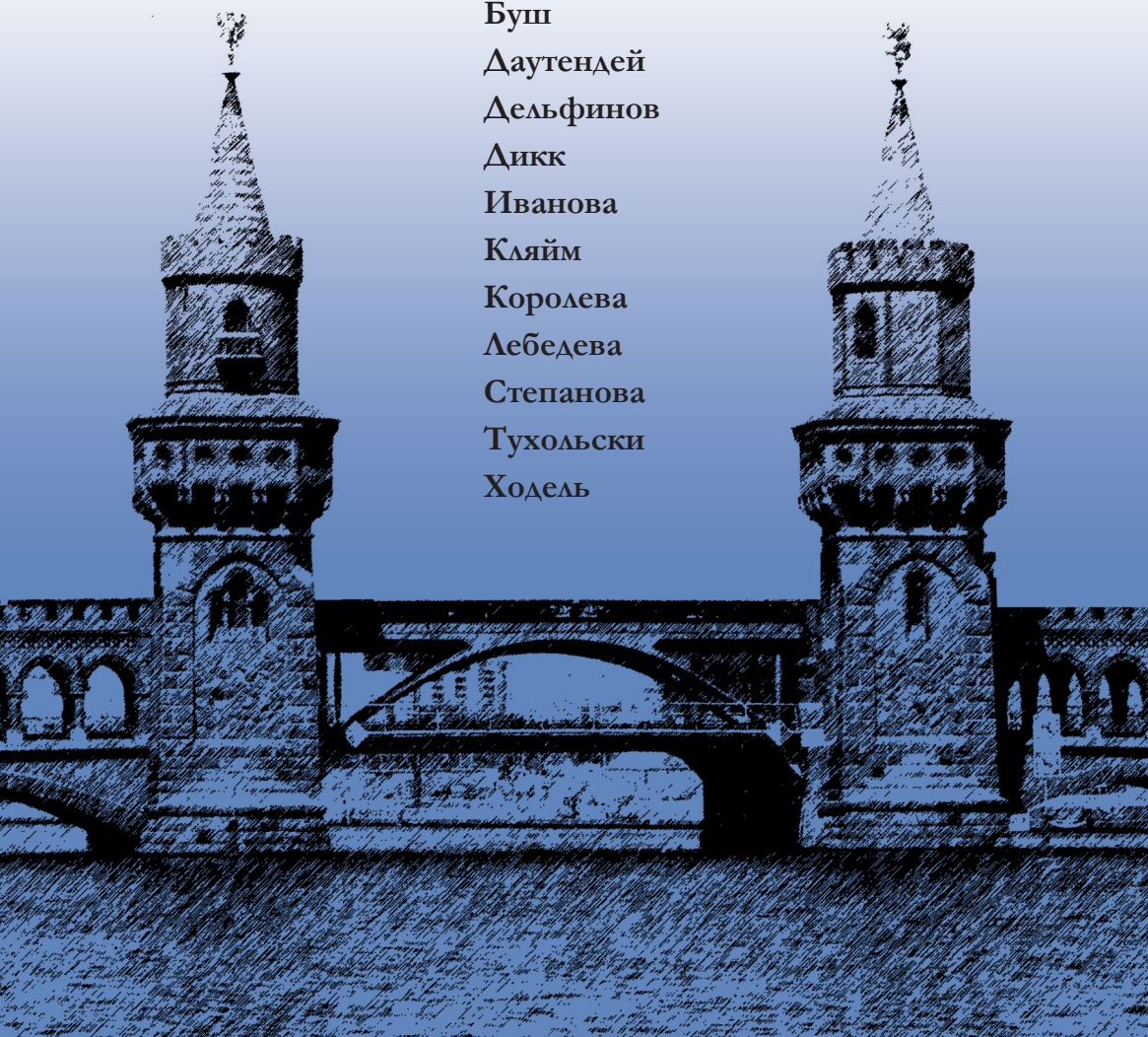
Приложение к журналу

БЕРЛИН.ТЕРЕГА

зима / 2020

Багмуцкая
Буш
Даутендей
Дельфинов
Дикк
Иванова
Кляйм
Королева
Лебедева
Степанова
Тухольски
Ходель

Содержание

ЕВГЕНИЯ БАГМУЦКАЯ , стихи	3
КУРТ ТУХОЛЬСКИ , стихотворение «Другой мужчина» в переводе Елены Королевой	6
ОЛЬГА КЛЯЙМ , «Назад в», рассказ.....	8
ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА , стихи.....	12
МАКС ДАУТЕНДЕЙ , стихотворения в переводе Ирины Ивановой	18
АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ , «Беспечные ездки», поэма.....	20
РОБЕРТ ХОДЕЛЬ , «Путешествие по России, которого не предложит ни один тур», интервью	25
ВИЛЬГЕЛЬМ БУШ , стихотворения в переводе Ларисы Дикк.....	29

Редакция журнала:

Главный редактор: **Григорий Аросев**

Проза: **Дмитрий Вачедин**

Кино: **Вера Колкутина**

Критика: **Ирина Мург**

Поэзия: **Женя Маркова**

Переводы: **Эдуард Лурье**

Вёрстка: **Мария Аросева**

Евгения Багмуцкая

и я хочу тебя узнать, но, видишь, дым
стоит столбом, пора бежать и меньше драмы.
так падал свет, что ты казался мне родным,
но это всё всего лишь фильтры инстаграма.

мы улыбаемся, и жалость словно мёд
течёт с твоей руки на все мои запястья,
и липнет кожа к коже, чтобы оторвёшь,
а там ожоги, незаметные от счастья.

из вен выходит алкоголь, ты вместе с ним,
хоть и цепляясь микропальцами за память,
и я хочу тебя себе, но, видишь, дым
стоит столбом, и я стою к стене губами.

эта осень меня давила, а жива,
только крошечной стала огромная голова,
копошатся внутри нее маленькие слова,
незаметные богу точильщики, короеды,

проедают во мне свои узенькие ходы,
и мне хочется плакать, но больше здесь нет воды,
все иссохло без всякого повода и беды,
и последняя радость иссякла уже бесследно.

и хотя я иду, за мной не идёт никто:
перелетные птицы покинули вдруг гнездо,
беспокойное море волнуется под стеклом,
но не слышно ни звука, всё замерло до заката,

эта осень давила, и вот я как маргарин,
и у тела теперь тридцать пальцев и десять спин,
вот какое чудовище, гоблин и арлекин:
многорука, глупа, бесполезна и горьковата.

о такой и не жалко забыть, но другим, не мне,
я же заперта в этих сомнениях и вине,
я лежу в своей крошечной, глупенькой голове
и шепчу: «ну вставай же, не так-то тебе и худо»,

и смеются точильщики, часики их стучат,
и усами меня щекочат, и верещат,
но не знают, что я триста раз попадала в ад
и уже триста раз выбиралась сама оттуда.

здесь никто никого не держит, всем просто лень,
то, что можно прибрать к рукам, дешевет быстро,
я ложусь на тебя — как на город ложится тень:
невесомо, беззвучно, едва высекая искру.

и я слышу, как там, подо мной, корабли гудят,
как колыхнется парус, как волны идут стеною,
марширует усиленно рота твоих солдат,
заполняя собой ненасытную лодку Ноя.
все уходит в других, ничего не дается мне,
убережь бы на память хоть крошку с плеча, хоть волос,
я лежу на тебе — как на самом песчаном дне
раскрывает объятия теплая безысходность.

покачнется стена и обрушится дом и тыл,
день сметёт меня махом, как будто и не бывало,
так снимают с себя тех, кто спас нас и кто укрыл,
но не знал, что и этого мало,
ничтожно мало.

выпускает солнце тепло наружу,
вытекает жар на бетонный сад,
ты как будто богом не обнаружен
или просто выбран им наугад,
как понять — рука приложилась крепко
или же напротив чуть пронесла,
если это сердце в тебе как метка
что зачем-то намертво приросла;

ты и сам хотел бы задранть люки,
 занавесить окна своей душой,
 но внутри по-прежнему слишком гулко,
 сколько эту громкость ни приглуши,
 и стоишь избитый и опалённый,
 так и ждёшь — увидят и заберут,
 словно первоклашку, домой, с продлёнки:
 приведут, согреют и спрячут кнут;

но бежит тепло по домам и крышам,
 оживляя то, что давно мертво,
 чтобы ты — растерян, нелеп, унижен,
 наконец, увидел в себе — его,
 и на самом дне, среди слез и пыток,
 разгадал нехитрый совсем расчёт:
 ты затем, чтоб солнце пекло затылок —
 бесконечно нежно
 и горячо.

никто не готовил, сказали, бери, любви,
 молочные реки, кисельные берега,
 прижми поскорее младенца к своей груди,
 не дай ему вырасти раньше, чем загадал,

не плачь, если жалко, натягивай сотни лиц,
 чтоб только он знал, ты сильнее всех тёмных сил,
 держись за него, если надо — воюй, дерись,
 и делай всё то, чтобы он тобой был любим,

ещё, говорили, запомни, как хрупок мир,
 в котором ты счастлив, когда он смеется так,
 что всё вымирает, сметает с лица земли
 смешное, дурацкое, мелочное, пустяк.

забыли сказать об одном — с этих самых пор
 ты больше не тот, кем ты был, принимай провал:
 все то, что ты знал о любви — просто полный вздор,
 о страхе — ты в принципе
 знать ничего
 не знал.

Kurt Tucholsky

Der andere Mann

Du lernst ihn in einer Gesellschaft kennen.
Er plaudert. Er ist zu dir nett.
Er kann dir alle Tenniscracks nennen.
Er sieht gut aus. Ohne Fett.
Er tanzt ausgezeichnet. Du siehst ihn dir an ...
Dann tritt zu euch beiden dein Mann.

Und du vergleichst sie in deinem Gemüte.
Dein Mann kommt nicht gut dabei weg.
Wie er schon dasteht — du liebe Güte!
Und hinten am Hals der Speck!
Und du denkst bei dir so: «Eigentlich ...
Der da wäre ein Mann für mich.»

Ach, gnädige Frau! Hör auf einen wahren
und guten alten Papa!
Hättst du den Neuen: in ein, zwei Jahren
ständest du ebenso da!
Dann kennst du seine Nuancen beim Kosen;
dann kennst du ihn in Unterhosen;
dann wird er satt in deinem Besitze;
dann kennst du alle seine Witze.
Dann siehst du ihn in Freude und Zorn,
von oben und unten, von hinten und vorn ...
Glaub mir: wenn man uns näher kennt,
gibt sich das mit dem happy end.
Wir sind manchmal reizend, auf einer Feier ...
und den Rest des Tages ganz wie Herr Meyer.
Beurteil uns nie nach den besten Stunden.
Und hast du einen Kerl gefunden,
mit dem man einigermaßen auskommen kann:
dann bleib bei dem eigenen Mann!

Курт Тухольски

Другой мужчина

С ним ты завяжешь знакомство на званом обеде.
Он балагурит, при этом разительно мил.
Бегло коснётся имён теннисистов в беседе.
Внешне приятен, и жиром пока не заплыл.
За ним наблюдаешь... Он в танцах довольно уклюж.
Но тут, как на грех, возникает твой собственный муж.

На них бросишь взор, сличая украдкой друг с другом.
Меркнет твой муж, несомненно, в сравнении с ним.
Боже мой, что за осанка присуща супругу!
Сало на шее висит, точно скомканный блин!
И кружатся мысли такие в твоей голове:
«Того бы мужчину судьба уготовила мне».

Милая барышня, внемли же, что скажет папа,
Может, тебе в этот миг эта правда претит:
Встретишь другого — и года чрез два после штампа
Будет сомнению предан и тот фаворит!
Ты станешь экспертом в его нежных столах,
Увидишь, как он «щеголяет» в кальсонах,
Устанет и он под твоим быть началом,
Заметишь: он шутит, а ты заскучала,
Его ты увидишь от ярости сизым,
И сзади, и спереди, сверху и снизу...

Как только узнаешь ты нас в полной мере,
Откроются настежь все к счастью двери.
На светских приёмах подчас безупречны...
И, точно герр Майер, мы ходим весь вечер.
По лучшим моментам судить нас не нужно.
И раз уж нашла ты достойного мужа,
С которым ужиться сравнительно просто:
При нём оставайся, оставь тех, кто холост!

Перевод Елены Королевой

Назад в

С папой Шурой произошла странная история: он заблудился во времени. И вот как это было.

Катка подожгла сеновал. Типичная история: родители плохо прятали спички. А полыхало так, что видно было из соседней деревни. Пламя чуть не охватило коровник, где в это время мирно жевали то самое сено двадцать с лишним коров. Слава богу, огонь успели потушить, и ни одна корова не пострадала, но с работы папу Шуру уволили. Прогнали со двора всё семейство, включая одноглазого кота Васю.

Как и на что жить дальше, было непонятно. Вообще папа Шура был ветеринаром, но в молодости он так сильно разбился на своей «Яве», что отбил себе всю память. Папа Шура забыл напрочь всё, вплоть до жены и собственных четырёх детей. Что уж там говорить о ветеринарии. Так и работал после переезда в баварскую деревню простым помощником по хозяйству, занимаясь при этом всегда только чужим делом. Но ведь хотелось своё собственное! Хотелось строить, сеять, жать, выращивать, кормить, донить и забивать...

Пожар на сеновале и увольнение с крестьянского двора — знак свыше, решил папа Шура. Надо двигаться по жизни дальше, потому что стагнация — это удел слабохарактерных. И тут ему в голову пришла идея: нужно возвращаться назад. Под словом «назад» подразумевался не крестьянский двор с чёрным пятном вместо сеновала, и даже не Берлин, куда папа Шура эмигрировал в 94-м году. «Назад» значило село Красная Тула, в ста километрах от города Омска. Сибирь.

Папа Шура хоть и был человеком волевым, но отличался и особой мягкостью, так что категорическое вето семейства принял смиренно. Действительно, бросить всё, переселиться чуть ни на другой край земли, прожить там двадцать пять лет, чтобы вернуться обратно в «эту твою дыру», как сказала папышурина жена, ну не глупость ли это? На том и порешили: глава семейства возвращается в дыру один.

В Красной Туле почти никого из знакомых не осталось, все давно поразъезжались кто куда. Из своих остался лишь друг семьи дядя Йося Аппельганс — старый поволжский немец, решивший никуда не ехать, когда дети в конце девяностых засобирались на историческую родину. Он лучше всех понимал папу Шуру и с радостью подготовил его реиммиграцию. По возвращению в Тулу уже

не молодая, но ещё дающая молоко корова, и пара кур с петухом. Так и начал жить папа Шура жизнью своей мечты. По утрам он долго гулял в окрестностях, днём чинил крышу дома, готовил своё жилище к зиме, а в остальное время занимался скотом и домашним хозяйством. Папа Шура регулярно посылал сообщения семье в Баварию, а если совпадали звёзды, случались и видеозвонки по скайпу.

Странная история начала происходить, когда зашёл рапс, и поле, по которому папа Шура бродил по утрам, покрылось ярко-жёлтой душистой пеленой. Первый раз время запуталось именно там, в облитых солнечным светом зарослях рапса. Где-то в середине поля, не доходя до заброшенного улья, папа Шура почувствовал лёгкие вибрации в районе солнечного сплетения. Он остановился, продышался, попытался расслабиться и вдруг увидел идущую ему на встречу тётю Эмму.

Тётю Эмму похоронили месяцев десять назад. Прощались всей роднёй на одном из берлинских кладбищ. Старушке было без пяти минут девяносто восемь лет, когда она мирно уснула в своей маленькой квартирке на востоке Берлина. Папа Шура запомнил любимую тётку тихим, мирным и добрым, всегда сияющим ангелом.

Тётя Эмма, в своём белом платочке в мелкий цветочек и в ситцевом синем платье, медленно шла через рапсовое поле, одной рукой отодвигая высокие кусты. В другой руке она держала кружку с каким-то напитком, который отпивала на ходу. Она остановилась напротив папы Шуры и заулыбалась. Папа Шура немного обмяк, но быстро собрался, облокотился на заброшенный улей и осторожно заговорил: «Здрасьте, тётъ Эмм».

Она, как всегда, молча улыбнулась в знак приветствия.

«Вкусно?» — папа Шура кивнул в сторону кружки. В ней явно было молоко, это он понял по тёттиэмминым молочным усам.

«Да, 's keht so¹, — ответила тётя Эмма. — Pei uns em Dorf war de Milch pesser. Fettiger². Она засмеялась, и папа Шура, услышав родной диалект, невольно захихикал в ответ.

«Ну... И как оно там?» — спросил папа Шура неуверенно.

«А, скучно, — тётя Эмма снова улыбнулась. — Ich loof immr mol her, wann's hart скучно wird».³

Она уселась на откуда-то взявшийся пенёк, скрестила стопы, и вдруг задумчиво уставилась вдаль. Папа Шура, всё ещё не понимая, что, собственно, происходит, молча разглядывал цветочки на тёткином платке, её светло-голубые,

¹ («Ach, es geht so») «Да так себе».

² («Bei uns im Dorf war die Milch besser. Fettiger») «У нас в деревне молоко было лучше. Жирнее».

³ («Ich lauf immer mal her, wenn's arg langweilig wird»): «Я время от времени прихожу сюда, когда совсем скучно становится».

почти прозрачные глаза, морщины на лице и сильно загорелые руки, как вдруг с неба хлынул дождь. Здесь время окончательно оборвалось, и папа Шура очнулся уже дома, лёжа на старом скрипучем диване.

После этого происшествия он долго не мог прийти в себя. Папа Шура чувствовал, что пространство вокруг него каким-то чудным образом изменилось, а вместе с этим изменился и он внутри. На какое-то время он забросил хозяйство, оставил починку крыши, а сам днями напролёт сидел на лавочке возле дома и смотрел в никуда. Что тогда происходило у него в голове, знает лишь он сам. Как назло, как раз сейчас куда-то пропал дядя Йося, а семья в Баварии не выходила на связь. Один раз удалось дозвониться на мобильный, Катька взяла трубку, но разговор прервался, не успев толком начаться. Так прошло десять дней, и тут папа Шура понял: пора возвращаться назад в рапсовое поле.

Станным образом заброшенный улей и пенёк куда-то пропали. Зато посреди поля, ни к селу, ни к городу, появился маленький пруд. Тёмная вода была покрыта тиной и кувшинками, и больше ничего живого в этом пруду не было: ни кваканья лягушек, ни сверкания переливающихся в солнечном свете стрекоз. Папа Шура несколько раз обошёл пруд, вглядываясь то в воду, то в кусты рапса, в ожидании очередного визита с той стороны, но всё вокруг было тихо. Ничего не происходило, пока вдруг папа Шура не споткнулся об собственные ботинки и не свалился прямиком в грязную воду. Фыркая и плюясь, он, испуганный, пулей выстрелил из, как оказалось, ледяной воды, вылез на берег, и попытался сообразить, что случилось. «Ботинки мне велики... Чёрт-те что!» не успел подумать папа Шура, как вдруг понял, что на нём надета не только слишком большая обувь, но и огромная рубаша — рукава её свисали чуть не до земли, а штаны так и вовсе еле держались на месте, откуда ноги растут. «Я снова маленький» пронеслось в голове у папы Шуры, и он тотчас же окунулся в себя самого, двенадцатилетнего папана, нечаянно свалившегося в пруд как раз в тот день, когда мать подарила ему новые штаны. Она долго искала подходящую ткань, потом шила и перешивала на стареньком Зингере, а он, дурак, напялил новые штаны, пока матери не было дома, и пошёл красоваться перед соседкой. Папу Шуру бросило в холодный пот: «Вот он я, я опять всё сделал не так! Я пропал. Мать уйдёт, уйдёт, бросит, она больше не будет моей. Она даст мне пощёчину — хорошо, это бывает, это не страшно. Но её руки, голос, лицо — разлюбит она меня, опять, я точно знаю! Разорвёт меня на кусочки! И снова нужно исчезнуть, глаза б её меня не видели!» успел ещё подумать маленький папа Шура, перед тем как потерять сознание и солдатиком рухнуть в ярко-жёлтый рапс.

Дядя Йося Аппельганс так и не появился больше в Красной Туле. Говорят, кто-то из наших видел его в Порт-Артуре, в Омской области, но это не точно. В Баварии молчали, а номер мобильного, похоже, вообще отключили. Папа Шура несколько раз ещё ходил в рапсовое поле, но не рассказывал мне больше о том, что происходило там, где путается время. Недавно я видел, как он, тихий и потрепанный, убирает остатки вещей из огорода — вёдра, лейку, лопату. Он собирается обратно в... Впрочем, я так и не понял, куда именно, и кто его там ждёт.

Татьяна Степанова

И вроде бы девочка анна ста десяти годов
знала природу вещей и происхождение слов,
в шуме прибоя различала вздохи медуз,
студенток просила сторониться семейных уз.

Не признавала традиции, а только внезапное из глубин,
жадно искала Фриду среди всех известных картин.
Не сбиваясь пересчитывала на пальцах ног и рук
фарфоровых кукол и похороненных детских подруг.

Молча лечила чумных, прощая и невесомо прощаясь,
чуть позже, виском прижавшись к двери,
темным зверем смеялась, смеялась, смеялась.

На рассвете следила, как стекает с ладони линия смерти,
шептала сухими губами: что вы творите, черти.
А на других континентах в песочных стальных городах
уходили в небо младенцы, в колыбели оставив страх.

настанет день когда исписанные свитки
совьются в бестолковое гнездо
где перья и ворованная ветошь
разделят мир на завтра и на то что было до

ничем не удивить знакома линия руки
и скорость бега от себя не учтена
кукушка-птушка ты кукуй про жизнь
а дальше всю вину несёт луна

немного мягче птичка
гласных больше чем согласных
держат плечом бумажный небосвод
на счёт двенадцать герман спит
старушка бредит
а стрелки продолжают ход

В начале было слово, и слово было: ты опаздываешь к обеду.
Плывущий собран, ныряет рыбкой в бездну, затевает беседу.
Сфинкс улыбается, придумывает загадку маленьким лохам:
берите котомку и посох, пора собирать бытие по крохам.

И вот на златом крыльце сидят прощенные, но не простые
короли, королевичи, мишки гамми, сапожники и портные.
Для подаяния тянут руки, короны и сванки,
из крапивы выглядывают замаскированные танки.

Стук ложек заглушает аромат травяного зелья,
и снова слово: я рядом, не лишайте себя веселья.

II. Перуновой

Девочка, которой меньше всего на свете
можно брать в руки веретено,
крадется к чердаку на рассвете,
свято веря, что ничего
не предрешено.

Колет палец, облизывает солёный узелок крови,
смотрит в окно,
видит принца, скачущего во весь опор к замку,
понимает, что он заводная игрушка,
скачущая на месте давным-давно.

С трудом затаскивает принца в орлиную башню,
кормит мёдом, поит горячим молоком,
подкрашивает затёртые места гуашью,
кладёт в хрустальный гроб
и накрывает льняным платком.

Спи, принц, — говорит девочка, — спи спокойно,
подрасту — подходить не стану,
лишь в нелепых сказках и страшных снах
поцелуем нарушают нирвану.

Девочка спустилась во двор, села на коня
и больше никогда не вернулась в замок.
Какое-то время ветер ещё доносил
всхлипы принца
да причитания няnek и мамок.

не на поверхности а в самой глубинной точке боя
лежа в окопе боясь разбудить компаньонов
сурдопереводом говорю с моральным законом внутри
на всех языках мира смеюсь и тихонько воя

мне бы крошек белеющих во тьме на дороге
да зелёную милую украсить сухими цветами
дикого мёда разлить в убогой медвежьей берлоге
читай между строк служивый следи за моими губами

Подарок отцу — коряво выведено на мятой коробке
стража тащит её ко дворцу недоумённо и робко
вскрывают осторожно времена нынче такие
когда всё возможно хотя не то чтобы все плохие

из коробки как плодные воды отходит разная мишура
люди в зелёном просят животным свободу
люди в чёрном говорят что жизнь всего лишь игра

из самой сердцевины выпрыгивают крошечные солдаты
молятся бескровно кричат батарея огонь
пока коррозия не съедает солдатские латы
пока не падает под каждым солдатом конь

длинной вереницей тянутся повозки
рыба засыпает наглотавшись токсинов
шутки приготовленные отцу серы и плоски
режиссёров сменяют продавцы апельсинов

закройте скорее коробку опечатайте сургучом
 не копейки ли за кадром плачет?
 и снова кто-то вращает над головой
 обоюдоострым мечом
 и снова отсчёт с ничего начат

неведомо где удаленный район
 провинция робкого рая
 детям вместо пенициллина
 подают крепкий прозрачный бульон
 не в нагрузку а просто играя

стройтесь парами дети
 и ждите сигнала — можно!
 если путь лежит не к чужим эшелонам
 хава яблоко кроет собой осторожно
 соответствуя правильным райским законам

шафранными звездами вымощен пол
 эту осень медовые пчёлы войны отстрадали
 тихий шёпот исаака отец опусти ствол
 мы ведь выстоим и не такое видали

Думай над каждым словом, прежде чем открываешь рот,
 а я ушёл дальше даровать миру живот, —
 сказал и повернулся спиной, чтобы дальше махать рукавом,
 где улочка, где переулочек, где солнце на голубом.

Пауза станиславского, выхлопная диастола, тихий стон.
 Чем думать над словом, легче в гору поднять камень в тысячу тонн.
 Да, — твёрдо сказал адам, кусая отяжелевший плод.
 И над неровным горизонтом огненно зардел восход.

раз два три на месте замри и смотри
как странно вокруг пустуют места в метро
а вдруг все знают настоящее имя и видят твоё нутро
видят как пляшет пачангу твой хромой человечек
как волком гоняешь своих же дрожащих овечек
как мелок и сир на поверке вечернего света
и сердце в разрезе скучнейшего серого цвета

мама мама мальчик совсем прозрачный
не думай о нём дорогая
он выглядит слишком невзрачно

помнишь книгу о выживании в экстремальных местах
просишь чтобы бросили за борт
и вот ты в заветных кустах
плывешь задыхаясь в солёной волне
до фьордов подать рукой
и думаешь как не похож этот берег
на твой долгожданный покой

марта я могу быть всяким сказал иероним
и марта не напряглась так как с детства
он был раним

сутилась дальше пекла золотые хлеба
твердила мысленно зачем тебе жено
с неотвратимым борьба

после объявления очередной войны
воздушной тревоги и чувства вечной вины
пряталась в погребе и залпом пила вино
следа за иеронимом сквозь крошечное окно

серым соколом на охоте металась в лесу
оставайся в седле в клюве дичь тебе принесу
не было рабской покорности в этом полёте
лишь птичий восторг на единой хрустальной ноте

и вдруг в дождливый не пройденный день
скукожилась марта поняла что сильно устала
оставила бутерброд на тарелке и записку

марта пропала
сырой порох в пушке иероним помни об этом
и поезжай отдохнуть в деревню будущим летом

Max Dauthendey

Grau Heimatnebelland

Fühle keine Kälte sehr,
Wenn die Nebel sich vereisen;
Denn mein Herz geht vor mir er,
Will mir Heimatwege weisen.

Aus den Fenstern durch die Nacht
Glänzen deutsche Weihnachtskerzen,
Und die deutsche Tanne lacht,
Und sie lacht zu meinem Herzen.

Nenne nichts auf Erden mein
Von dem großen Heimatgrunde,
Als den Regen nur allein
Und den Nebel in der Runde.

Graues Heimatnebelland,
Bin dir immer treu geblieben.
Nirgendwo ich Ruhe fand,
Heimweh hat mich heimgetrieben.

Alleingelassen bei Erinnerungen

Jetzt sitzt der weisse Schlaf vor allen Wintertueren,
Die Fenster sind gleich blassen Eierschalen,
Dahinter leben Strassen voll Gespenster
Und Stimmen, die uns ferne Menschen malen.

Man kann die Welt nicht sehen und nur spüren.
Wie Blinde ahnt man dunkel das Geschehen,
Alleingelassen bei Erinnerungen,
Die an den Tueren wie die Bettler stehen,

Die bei den Ofenflammen warm sich ruehren,
Erregt mit nimmersatten Hungerzungen.
Sie koennen uns an magern Haenden fuehren
Und haben in der Asche noch nicht ausgesungen.

Макс Даутендей

Серый родины туман

Не ощущаю холода ничуть,
Когда в тумане воздух леденеет.
А сердце всё сильнее бьётся в грудь,
Указывая путь домой скорее.

Из окон смотрит ночи канитель.
Блестят рождественские свечи.
Немецкая смеётся дома ель.
Она смеётся прямо в моё сердце.

Уже давно своим не называл
Я ничего в моей родной Отчизне.
Один лишь дождь и ледяной туман —
Они мои соратники по жизни.

Серый моей родины туман,
Одному ему я только верен.
Я покой вне родины искал,
А нашёл там лишь одни потери.

Наедине с воспоминаниями

Белым сном окутаны зимние тропинки.
Окна обесцвечены скорлупой яиц.
А за ними призраки живут жизнью зыбкой,
Голоса доносятся позабытых лиц.

Не виден мир, есть только понимание,
Что ты- слепой, объятый темнотой,
Стоишь один, и лишь воспоминания
Ждут милости, как нищий за спиной.

Они летят, как бабочки на пламя,
На трепет языков, как жадный рой,
К нам тянутся холодными руками,
Не прекращая песню, став золой.

Переводы Ирины Ивановой

Александр Дельфинов

Беспечные ездоки

Памяти Эда Нестеренко из группы «Петля Нестерова» и других невидимых героев советского андеграунда

Эд впервые услышал Beatles и Rolling Stones,
Когда ему было 14, где-то в 77-м.
И закрутились бобины, и годы пошли, как поезд,
И струны натягивались колком.
В кружок электрогитары записался в дом пионеров,
Сам подбирал аккорды и ныл кое-как им вслед,
А у метро в стоячке за 15 копеек эклеров
Пару любил купить и тут же сжевать их Эд.

Эд научился петь и аккомпанировать в 79-м
И хрипло орал: “Light my fire!”, у Ирки присев на диван,
А после попался с гитарой в лапы чужим ребятам.
Гитару сломали. Наши вторглись в Афганистан.
В то время, конечно, никто не использовал слова “вторглись”,
Тогда называлось это “ограниченный контингент”.
В тот год продуктов хватало в целом с достатком в городе.
В восьмидесятом школу закончил Эд.

Эд отрастил себе хаер, утюг толкнул ему джинсы
(Пришлось зарабатывать грузчиком — пот протёк между строк).
Он познакомился с Сэнди, и тот ему дал Sex Pistols,
Сказавши при этом: “Лабух! Послушай-ка ты панк-рок”.
А Сэнди в то лето за пьянку погнали из музучилища,
И чуваки решили вместе создать свой бэнд.
Туса попёрла, как танк, и небывалую силищу
Так и почуял до этого скромный Эд.

Эд раздобыл по наводке у старого гитарного мастера
Тяжёлый поддельный Fender с поддельной педалью Fuzz,
А Сэнди пробил им репточку в подвале ДК Автотранса.
Не просыпаясь, ворочался стареющий Советский Союз.

Группу назвали “ВИАтles”, хотя какая там группа?
 “Худсовет приглашает на сцену электрогитарный дуэт!”
 Играть перед худсоветом было довольно тупо,
 Но ради дела эмоции научился сдерживать Эд.

Эд познакомился с Кэт на сейшене в ДК Автотранса,
 У Кэт были длинные волосы и косяки с травой,
 Двинулись в Крым автостопом, их принимала трасса,
 И мак на обочине красной покачивал головой.
 В Гурзуфе на пляже ночью им встретились харьковчане,
 Эда мочили ногами, аж вспыхивал в почках свет,
 А Кэт оттащили во мрак, и как она там кричала,
 Слушал, слушал, слушал и кровью плевался Эд.

Эд у хайрастых с неделю отлёживался в палатке.
 “Герла-то твоя свалила... Совсем безмазовый лайф?
 Хочешь вмазаться, бразер?” — спросил его кто-то как-то,
 А если такая маза, то надо ловить свой кайф.
 Прикольная группа Madness — на средних волнах рокешник,
 Не задаёшь вопросов — не ждёшь никакой ответ.
 Домой он вернулся подсевший, сразу же умер Брежнев,
 Но смерти товарища Брежнева почти не заметил Эд.

Эда ломало, но мало, и ко второму снегу
 Он отошёл от “чёрной” и стал как огурчик свеж,
 Подстригся, с утра отжимался и даже увлёкся бегом,
 Но как-то встретился с Сэнди, и тот ему дал The Clash.
 Что эта музыка делала? Будто менялось тело!
 Ты сам — звезда рок-н-ролла! Ты — музыкант и поэт!
 Душа отрывалась, летела, а сердце скрипело, но пело!
 Первую песню придумал в ту зябкую зиму Эд.

Эд снова встречался с Ирккой, а Ирка запанковала:
 Косуха-кожзам в заклёпках, подведённые чёрным глаза.
 Иркина мама, учительница, крайне запаниковала.
 «Не волнуйтесь, Елена Марковна, мы женимся», — Эд сказал.
 На неформальной свадьбе все набухались адски,
 Но не было даже драки, в трубу не стучал сосед.
 А время было суровое, искусствоведы в штатском
 Так и шныряли повсюду, но их не боялся Эд.

Эд и Сэнди сменили название своей группы
 На “Чёрно-белую кошку” и дали подпольный концерт,
 Поскольку в Советском Союзе отсутствовали ночные клубы,
 Это было в какой-то школе, лишённой примечательных черт.
 Народу набилась масса! “Ну, мы им сейчас устроим!” —
 Сэнди глаза подкрасил, завернулся в клетчатый плед...
 В тот год на Дальнем Востоке сбили корейский “Боинг”,
 А у фарцовщика куртку купил из вельвета Эд.

Эд и Сэнди забили запись в студии ДК Автотранса,
 Неделя писали все песни, сняв саунд у The Smiths и The Cure,
 Альбом под названием «Крыша» получился довольно классный,
 А Ирка, послушав, сказала: «Знаешь, я беременна, Мур».
 (Были у них друг для друга прозвища: Мур и Детка,
 Прохожие оборачивались, порой чертыхались им вслед.)
 Минуты девять месяцев, на свет появилась Светка,
 И чувствовал просветление нерелигиозный Эд.

Эд встречался на Пушкине с менеджером подпольных концертов,
 Тот шастал в клешах лиловых и бархатном пиджаке,
 С ним пункер в косухе набыченный, представился просто Бертом,
 Как стало известно впоследствии, Берт шаялся с ножом в сапоге.
 Базарили ровно. А небо — чисто синее знамя...
 Вдруг к ним подходят четверо, как близнецы средних лет:
 «Граждане, что за сборище? Проследуйте вслед за нами!».
 Так в первый раз за внешность задержан был модный Эд.

Эд, Менеджер и Берт прошли в ближайшее отделение,
 И там состоялся типичный воспитательный разговор.
 «Вы же советская молодёжь! Ну, что за буржуазное поведение?» —
 Спрашивал риторически пожилой, но бодрый майор.
 Примерно через неделю в Москве потеплело резко.
 Слухи ползали: в Афгане всё больше серьёзных бед.
 Утром из почтового ящика Ирка достала повестку:
 С паспортом к военкому явиться был должен Эд.

Эд не желал идти в армию, желал быть звездой рок-н-ролла,
 Пришёл к военкому в халате, везя на веревочке танк.
 Того ли, как говорится, желала семья и школа?
 Он закосил в дурдоме, как всякий нормальный панк,

А вышел оттуда снова, когда тополиным пухом
Засыпало древний город, как снегом в траве скелет.
С Иркой и Светкой и Сэнди, их самым лучшим другом,
На Гаюю двинул стопом веселый и бодрый Эд.

Эд не заметил, как помер Андропов, а вслед — Черненко,
Сейшен за сейшеном — группа теперь их имела вес,
Ирка на бэк-вокале, у бабушки с дедушкой Светка,
А Сэнди выбрил башку и поставил себе ирокез.
Что-то пошло не так. Комсомольцы их больше не трогали,
Напротив — со всем уважением позвали на культурный совет.
И новый магнитоальбом в тот год, когда ебануло в Чернобыле,
Через студии звукозаписи продавать попробовал Эд.

Долго ли дело, коротко ли, но вот появились деньги,
А клип на их главную песню показала программа «Взгляд».
Прошлись по всему Союзу с гастроями Эд и Сэнди.
У кого-то война во Вьетнаме, у нас Тактабазарский отряд.
В 1990-м играли на стадионе,
Народу — тысяч под сорок, всё в качестве — звук и свет,
Но после концерта в номере Сэнди вдруг взял и помер.
Коньяк и пять пачек снотворного — узнал на следствии Эд.

Ирка сказала: «Слушай, ты нравишься мне по-прежнему,
Ты, в общем, парень хороший, хотя и долбишь коноплю,
И песни твои талантливы, и мы угорали бешено,
Прости, но признаюсь честно — я больше тебя не люблю».
А город, как жуткий корабль, плыл по великой Лете,
И август давил на плечи, и в голову лез всякий бред.
Потом была революция. «Убейте меня, убейте», —
Шептал никому в отчаянии на баррикадах Эд.

Их старые песни всё так же крутили по всем каналам,
Но новые не сочинялись. Чесался от кокса нос.
Оставшись один в квартире, Эд забухал сначала,
А после совсем поехал, поплыл и пошёл вразнос.
Однажды по пьяни в клубе схлестнулся с крутым бандосом,
Почувствовал нож у горла и вдруг засмеялся: «Берт!»
«Вот встреча так встреча, братишка!» — сказал бывший панк хриплым
голосом.

Под утро на мотоцикле с Бертом умчался Эд.

Пылает заря над городом, летят ездоки беспечные,
Ревёт по-медвежьи двигатель, и жизнь свистит за спиной...
Не удержав управление, Берт вылетел вдруг на встречную,
И вспыхнули звезды яркие, и тут же сменились тьмой.
...Кому-то эта история покажется чушью редкой,
А кто-то с усмешкой скажет: «Да, лажанул поэт».
Но я от знакомых слышал, что рэп записала Светка,
И посвятила Эду свой первый сольный концерт.

«...Путешествие по России, которого не предложит ни один тур»

Поэзия как «зеркало души» целого поколения: в 2019 году вышла новая антология творчества русскоязычных поэтов и поэтесс поколения 1960-1980 годов с переводом на немецкий язык «Sie ging durch Russland.../Шла по России...». Переводчица Евгения Лебедева поговорила с составителем и переводчиком, швейцарским славистом и профессором Гамбургского университета Робертом Ходелем о его новой антологии, о разнице поколений в России и о будущем поэзии.

Господин Ходель, насколько близки будут представленные стихотворения читателям в Германии?

Речь идёт о самых разнообразных стихотворениях: в антологии есть и любовная лирика, и юношеские воспоминания из советских времён, и религиозные размышления, и политически мотивированные тексты. Антология позволяет поглубже взглянуть на жизнь и мысли в современной России и, в то же время, касается жизненных вопросов, которые встают не только перед жителями России, но и перед жителями Германии. У русских и немцев намного больше общего, чем того, что их разделяет.

Для названия вы выбрали строчку из стихотворения Александра Анашевича «шла по россии/прямо посередине...» Каким образом проходил отбор авторов и их стихотворений? Можно ли считать данную антологию показательным «срезом» современной русскоязычной поэзии?

Стихотворение «шла по россии...» описывает феноменальную разницу между умирающей российской деревней и роскошью столицы с точки зрения молодой девушки. В последней строфе это описание принимает неожиданный оборот: девушка, которая наблюдает, как «звезда с звездой говорит» (подобно Лермонтову в его «Выхожу один я на дорогу...»), оказывается, идёт по России со страшной миссией...

Выбор авторов был основан на анализе антологий поэзии и историко-литературных работах, выпедших в России и частично за границей. Таким образом и авторы за пределами двух «столиц» — Москвы и Санкт-Петербурга — были приняты во внимание. При этом сами стихотворения охватывают целых четыре десятилетия: самые ранние стихотворения были написаны в середине восьмидесятых, а самые новые — совсем недавно, в последние несколько лет. Посему осмелюсь утверждать, что мы имеем дело с репрезентативной выборкой русской поэзии целого поколения, как минимум той поэзии, которая в России имеет широкое признание.

Некоторые из авторов, например, Дмитрий Кузьмин или Полина Барскова, живут в Европе и США. Как вы думаете, повлияло ли это на их творчество?

Дмитрий Кузьмин эмигрировал в Латвию в 2014 году, так как он не хотел больше разделять политический курс России. Полина Барскова защитила диссертацию в США и осталась преподавать и заниматься научными исследованиями в Массачусетсе. Что я хочу этим сказать: сейчас совсем другая ситуация, не та, что была в годы Холодной войны. Если кто-то эмигрирует, он не считает себя автоматически диссидентом и его поэзия не становится автоматически диссидентской. Это касается и Веры Павловой, которая живет в Москве и Нью-Йорке и пишет прежде всего стихотворения о семейной жизни с женской точки зрения, и Анны Глазовой, которая учится в Берлине и перевела на немецкий Роберта Вальзера, Рильке, Кафку, Целана...

Итак, в антологии представлены поэты и поэтессы поколения 1960-1980 годов из различных городов России и зарубежья. На ваш взгляд, что объединяет этих авторов и их поэзию, помимо годов рождения?

Это может прозвучать странно, но данному поколению поэтов и поэтесс наиболее характерна неоднородность. На авторов, рождённых в 1960-х, сильное влияние оказало советское время. А вот формирующие юношеские годы авторов младшего десятилетия пришлись на период перестройки и реформ под руководством Горбачёва и Ельцина. В эти годы на общественную сцену выходит литературное «подполье», которое обеспечивает разнообразие тематики — от религиозного внутреннего мира и до гендерных вопросов. Это разнообразие наблюдается и в стихотворных формах, к которым теперь наравне с рифмованным относится и свободный, то есть нерифмованный, стих.

И какие же темы и направления представлены в вашей новой антологии?

Каждый читатель сможет найти в антологии что-то, что близко лично ему: здесь есть и авторы, верные традициям Николая Гумилёва и Анны Ахматовой, и авторы, использующие новые стихотворные формы как ещё один способ передачи смысла. Есть авторы, вдохновляющиеся зарубежной поэзией, например, одним из самых влиятельных немецкоязычных поэтов двадцатого века Паулем Целаном, а также авторы из регионов России или даже из других стран, представляющие «региональную» русскоязычную поэзию. Некоторые в своём творчестве возвращаются к эпическим началам и мифологическим мотивам, а другие пишут о войне, о дефиците и о бюрократии, о темах, знакомых всем, кто жил в СССР и России в 80-х–90-х, и о темах, знакомых каждому человеку вне зависимости от места рождения: о детстве, о юношестве, о любви.

В 2015 году вышла ваша первая двуязычная антология «Vor dem Fenster unten sind Volk und Macht/За окном внизу — народ и власть», которая была удостоена престижной художественной премии «Петрополь». В ней было отражено творчество поколения 1940–1960 годов. В чём, на ваш взгляд, основные отличия между двумя антологиями — и двумя поколениями?

У поколения, рождённого в 1940–1960 годы, сильно чувствуется влияние постмодернизма, который в России в первую очередь был реакцией на попытки государства внедрить свою идеологию и в литературе. Реакции на эти посягательства оказались самыми различными: как протест или возврат к классической литературе, так и адаптация к этим требованиям. Поколение 1960–1980 годов больше не находится в подобной ситуации, отсюда и тематическая и идеологическая неоднородность.

С какими трудностями вам пришлось столкнуться при переводе стихотворений на немецкий язык? Есть ли какие-либо особенности работы над переводом именно русскоязычной поэзии?

С каждым переводом возникает вопрос, насколько близким к оригиналу он хочет быть. Этот вопрос встаёт и с языком поэзии, где смысл, звучание и образ в большей степени едины. Если переводчик решает перевести рифмованные строфы также в рифму, он вряд ли найдёт в немецком рифмующиеся слова, которые передадут смысл русских рифм. Эти рифмы в тексте стихотворения несут большую смысловую нагрузку, поэтому значение неизбежно изменится. Похожую проблему представляют и аллюзии на другие тексты. Каждый русский читатель знает Пушкина, причем часто наизусть, так что легко узнает даже самую короткую цитату. Произведения Пушкина, разумеется, переведены на немецкий, однако, во-первых, не существует какого-либо канона, а во-вторых, Пушкин не входит в школьную программу в Гамбурге. Эту потерю частично компенсируют мои комментарии в антологии. Или вот более конкретный пример: в немецкоязычной поэзии после Первой Мировой классический метр был в значительной степени заменён свободным стихом. А в России вплоть до 90-х годов господствуют метрические рифмованные стихи, и потому верлибр, то есть нерифмованный стих, даёт ощущение освобождения от классических принципов. Об этом в предисловии к антологии говорят и сами авторы. Таким образом, какое бы решение ни принял переводчик, выбранная им форма будет производить различное впечатление. Я принимал решение в зависимости от стихотворения, стараясь переводить близко к тексту, но и отдавая должное форме оригинала.

Можно ли ожидать третью антологию — с поэзией поколения 1980-2000 годов?

Опасный вопрос, так как согласиться — значит взять на себя обязательство. Однако это, несомненно, заманчивая идея. Ознакомиться с творчеством поэтов и поэтесс целого поколения — вот путешествие по России, которого не предложит ни один тур.

В предисловии к «Sie ging durch Russland...» вы упоминаете две тенденции, характерные для поколения 1960-1980 годов: разнообразие стихотворных форм и «неприкрытое стремление...противустановившейся иерархии и социальной несправедливости». Как вы думаете, какие тенденции будут прослеживаться в поэзии России ближайшего будущего?

Уже сейчас можно заметить, что у поколения 1980–2000 годов всё более распространён свободный стих, так же как и новые формы выражения онлайн, соединяющие в себе стихотворные формы с музыкой (рэп, например), пантомимой или графическими изображениями.

Однако и в этом поколении останется «классическая» черта: лирика как разговор по душам, участником которого читатель может стать, покоровшись поэзии.

Беседу вела Евгения Лебедева

Wilhelm Busch

Wie üblich

Suche nicht apart zu scheinen,
Wandle auf betretenen Wegen.
Meinst du, was die andern meinen,
Kommt man freundlich dir entgegen.
Mancher auf dem Seitensteige
Hat sich im Gebüsch verloren,
Und da schlugen ihm die Zweige
Links und rechts um seine Ohren.

Schein und Sein

Mein Kind, es sind allhier die Dinge,
Gleichwohl, ob große, ob geringe,
Im wesentlichen so verpackt,
Dass man sie nicht wie Nüsse knackt.
Wie wolltest du dich unterwinden,
Kurzweg die Menschen zu ergründen.
Du kennst sie nur von außenwärts.
Du siehst die Weste, nicht das Herz.

Selbstkritik

Die Selbstkritik hat viel für sich.
Gesetzt den Fall, ich tadle mich;
so hab ich erstens den Gewinn,
daß ich so hübsch bescheiden bin;
Zum zweiten denken sich die Leut',
Der Mann ist lauter Redlichkeit;
auch schnapp ich diesen Bissen
vorweg den anderen Kritiküssen;
Und viertens hoff ich außerdem
Auf Widerspruch, der mir genehm.
So kommt es denn zuletzt heraus,
Daß ich ein ganz famoses Haus.

Вильгельм Буш

Как обычно

Быть особым не пытайся,
Торный путь осилить легче.
Думать так, как все, старайся,
И тебе пойдут навстречу.
Запутался в дебрях редких,
Кто пошёл тропой окольной,
Справа, слева его ветки
По ушам хлестали больно.

Казаться и быть

Мой мальчик, все предметы здесь,
Большие, малые — как есть —
Все упакованы так сложно.
Их как орехи щёлкать невозможно.
И как же ты решил дерзнуть,
Постигнуть разом людскую суть.
Извне понять людей надежды нет:
Не сердце видишь, а жилет.

Самокритика

Я самокритику ценю.
Когда я сам себя браню,
большую пользу вижу в том —
Ведь всем кажусь я скромником.
К тому же думает народ:
Вот честный человек идёт!
Чем критиканов-то кормить,
Уж лучше бочку на себя катить.
Притом надеюсь на протесты,
Они, конечно, будут к месту.
Вот так и выйдет наконец,
Что я, бесспорно, молодец!

Переводы Ларисы Дикк